

Козлов Александр Петрович

ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ДЕРЕВНЕ И АУЛЕ КАЗАХСТАНА В ГОДЫ НЭПА

В статье рассматривается эволюция социальных отношений в переселенческой деревне и ауле Казахстана в годы нэпа. По мнению автора, аграрные преобразования, осуществленные Советской властью в центрально-европейской части России, практически не коснулись Казахстана, где продолжались сложные процессы социальной дифференциации крестьянства, вызванные стольшинской аграрной реформой. В переселенческой деревне преобладал "американский", фермерский путь буржуазной эволюции. В казахском ауле становление мелкотоварного уклада сдерживалось традиционными институтами, которые создавали сложнейшую гамму социальных отношений в аульной среде.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/4-1/23.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 4 (30): в 3-х ч. Ч. I. С. 94-97. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

Список литературы

1. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / примеч. С. С. Аверинцева. Изд-е 2-е. М.: Искусство, 1986. 444 с.
2. Кленина Е. А., Песков А. Е. Событийность смерти: социальный аспект // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2011. № 1. С. 56-63.
3. Левинас Э. Время и Другой. Значение и смысл. Гуманизм другого человека / пер. с фр. А. В. Парибка. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. 265 с.
4. Лоренц К. Агрессия (так называемое зло) / пер. с нем. Г. Ф. Швейнико. М.: Прогресс; Универс, 1994. 272 с.
5. Солженицын А. И. Крохотки // Солженицын А. И. Малое собрание сочинений. М.: ИНКОМ НВ, 1991. Т. 3. Рассказы. С. 146-157.

ATTITUDE TO DEATH IN SOCIAL-CULTURAL OBJECTIFICATIONS SYSTEM

Klenina Elena Anatol'evna, Ph. D. in Philosophy, Associate Professor
Volgograd State Technical University
klenina.el@yandex.ru

Peskov Arkadii Evgen'evich, Ph. D. in Political Science, Associate Professor
Volgograd State University of Architecture and Civil Engineering
peskov.arck@yandex.ru

The authors show that the attitude to death, consolidated in the system of social-cultural objectifications (funeral traditions, ritual, symbol, message), is not only one of the form-generating and typological factors of contemporary cultural identity, but also an indicator of the situation, which is characterized by the tendency of the maximum taboo and displacement of death themes from the inter-life horizon of human existence.

Key words and phrases: attitude to death; social-cultural objectifications; death as social event; funeral traditions and ritual; taboo of death theme; contemporary society and culture.

УДК 94(47)+338

Исторические науки и археология

В статье рассматривается эволюция социальных отношений в переселенческой деревне и ауле Казахстана в годы нэпа. По мнению автора, аграрные преобразования, осуществленные Советской властью в центрально-европейской части России, практически некоснулись Казахстана, где продолжались сложные процессы социальной дифференциации крестьянства, вызванные столыпинской аграрной реформой. В переселенческой деревне преобладал «американский», фермерский путь буржуазной эволюции. В казахском ауле становление мелкотоварного уклада содержалось традиционными институтами, которые создавали сложнейшую гамму социальных отношений в аульной среде.

Ключевые слова и фразы: аул; переселенческая деревня; социальная структура; социальные отношения; традиционное хозяйство.

Козлов Александр Петрович, к.и.н., доцент
Санкт-Петербургский государственный университет сервиса и экономики
petrovich138@yandex.ru

**ЭВОЛЮЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ
В ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЙ ДЕРЕВНЕ И АУЛЕ КАЗАХСТАНА В ГОДЫ НЭПА®**

Проблемы эволюции социальных отношений советского доколхозного крестьянства всегда привлекали пристальное внимание исследователей. Вместе с тем отдельные аспекты социальной истории крестьянства в годы нэпа требуют своего дальнейшего исследования. Особенно это касается рассмотрения этих проблем с точки зрения региональных особенностей. К числу таких регионов, несомненно, можно отнести Казахстан, социально-экономическое и этническое положение которого в рассматриваемый период было весьма своеобразным.

Характерной чертой аграрного строя досоветского Казахстана, как известно, было отсутствие здесь помещичьего землевладения. Капитализм в земледельческих районах Степного края, населенных в основном казачеством и крестьянами-переселенцами, развивался быстрее, чем в центре страны. И если в Европейской России «черный передел» 1917-1918 гг. привел к резкому «осереднячиванию» крестьянства, то Казахстану удалось избежать серьезных аграрных потрясений. Землестроительные работы начались здесь только с начала 1920-х гг. и имели совсем иную направленность. Своей основной целью они ставили перераспределение

земельного фонда в пользу коренного населения республики, которое из-за антисоветских позиций казачества и переселенческого крестьянства, наиболее ярко проявившихся в годы Гражданской войны, стало рассматриваться большевиками в качестве главной социальной опоры своей власти в крае [7, с. 116-118].

Принятый в мае 1922 г. «Основной закон о трудовом землепользовании», по сути, являлся возвращением к столыпинскому аграрному законодательству и неизбежно вел к капиталистической эволюции сельского хозяйства по «американскому», фермерскому пути, а следовательно, к дальнейшему развитию буржуазных отношений и значительной дифференциации в крестьянской среде [6].

Согласно данным выборочных переписей за годы нэпа, в деревне Казахстана произошли существенные социальные сдвиги: увеличение удельного веса середняцких и уменьшение бедняцких хозяйств при значительном росте хозяйств предпринимательского типа – «кулаков». С 1924 по 1928 гг. доля хозяйств с посевом до 4,1 дес. уменьшилась с 52,90 до 32,66%, доля хозяйств с посевом от 4,1 до 16,1 дес. увеличилась с 39,50 до 52,55%, а доля хозяйств с посевом выше 16,1 дес. возросла почти вдвое – с 7,6 до 14,79% [5, с. 374].

Дифференциация крестьянства, в свою очередь, обусловила очень сложную гамму социальных отношений в деревне и ауле. Широкое распространение получили отношения найма-сдачи в наем рабочего скота, сельскохозяйственных орудий и машин, аренда земли и применение наемного труда.

Основными нанимателями рабочего скота и инвентаря являлись бедняцкие хозяйства. По данным весенних обследований крестьянских хозяйств, в 1927 г. более 31% хозяйств деревни с посевом до 4,1 дес. земли нанимало рабочий скот и инвентарь. Хозяйства с посевом от 4,1 до 16,1 дес. почти не участвовали в отношениях найма-сдачи средств производства и либо обходились собственными силами, либо прибегали к супряге – объединению нескольких хозяйств [16, д. 42, л. 6, 46]. Супряга являлась преимущественно формой крестьянской взаимопомощи, наряду с середняками её применяли и бедняцкие слои деревни, владевшие скотом и другими средствами производства. Однако супряга нередко выступала замаскированной формой найма рабочей силы, о чем свидетельствует высокий процент зажиточно-кулацких хозяйств, принимавших участие в супряге [14, с. 53].

Довольно распространенной формой производственных отношений в деревне Казахстана 1920-х гг. являлась отработка, которую не следует путать с отработкой системой пореформенной России, когда крестьяне из-за малоземелья вынуждены были арендовать землю у помещика. В советской деревне характер отработки изменился. Суть ее заключалась в том, что более состоятельный арендатор производил определенное количество работ для сдатчика земли, который зачастую вообще не имел собственного рабочего скота и инвентаря и именно поэтому сдавал землю в аренду.

Аренда земли в земледельческих районах Казахстана мало чем отличалась от того, что наблюдалось в европейских районах РСФСР. Основными сдатчиками земли являлись маломощные крестьянские хозяйства. Не случайно существовавшее аграрное законодательство в первую очередь защищало интересы сдатчика [10, с. 159].

Основными арендаторами земли являлись середняки и хозяйства предпринимательского типа. В 1927 г. на их долю в Казахстане приходилось соответственно 57,7% и 27,8% арендованной пашни [16, д. 42, л. 7, 39]. Причины аренды земли этими группами хозяйств были различны: первые арендовали землю вследствие избытка средств производства и рабочих рук, вторые – сочетали аренду земли с систематическим использованием наемной рабочей силы [1, с. 11-12]. Если на одно середняцкое хозяйство (из числа хозяйств, прибегавших к аренде) приходилось в среднем около 2 дес. арендованной пашни, то среди предпринимательских хозяйств среднестатистический размер арендованной земли составлял 11,5 дес. [16, д. 42, л. 7].

Свообразие аграрной политики Советской власти в Казахстане привело к тому, что значительное число крестьян-переселенцев вообще осталось без земли. Согласно решению V съезда Советов Казахстана о преимущественном наделении землей «коренного» (казахского) населения, отмененному лишь в 1927 г., землеустройству подлежали не все переселенческие хозяйства, а лишь те из них, которые прибыли в автономию до 31 августа 1922 г. [12, с. 45-51]. Не имея собственной земли, эти хозяйства были вынуждены ее арендовать. Не случайно, что по распространенности арендных отношений казахстанская деревня занимала одно из первых мест в Советском Союзе. Если, например, в Сибири удельный вес крестьян, арендующих землю, в исследуемый период составлял 8,6%, на Украине – 9%, на Северном Кавказе – 15%, то в казахстанской деревне к аренде прибегало не менее четверти крестьянских хозяйств [11, с. 165].

Формы платы за аренду земли были различными: денежная, натуральная, сдельная, отработочная, смешанная и др. Наиболее распространенной формой арендной платы была денежная, которой пользовалось более 70% крестьян, арендовавших землю [16, д. 42, л. 39].

Преобладание денежной формы арендной платы свидетельствовало о достаточно широком развитии в земледельческих районах Казахстана товарно-денежных отношений и о товарной направленности крестьянского производства в целом. Натуральная и издольная формы оплаты в чистом виде встречались крайне редко. Преобладали их видоизмененные формы: сдатчик, например, получал часть урожая в необработанном виде на поле, предоставив перед этим арендатору земли для посева свои семена. Нередко арендатор привлекал сдатчика земли к уборке урожая. Таким образом, аренда земли превращалась на деле в использование арендатором труда землевладельца, которому из-за отсутствия собственных средств производства приходилось расплачиваться землей.

В ауле, как и в деревне, основными участниками арендных отношений были малоимущие слои крестьянства, составлявшие около 85% от общего числа хозяйств указанной группы [Там же, д. 53, л. 11]. Отличительной чертой арендных отношений аула являлось решающее преобладание в нем сдатчиков земли.

Так, например, в Кустанайском округе в 1928 г. удельный вес аульных хозяйств, арендующих землю, составлял 1,6%, сдающих землю в аренду – 9,3% [Там же, л. 15]. Причины данной диспропорции объясняются наличием в Казахстане 1920-х гг. такого специфического явления, как «межнациональная аренда». Основным источником «межнациональной аренды» являлась существенная разница в размерах фактического землепользования деревенских и аульных хозяйств. Неравномерность землепользования по национальному признаку использовалась зажиточной верхушкой аула, которая, эксплуатируя родовые отношения, от имени своих соплеменников сдавала землю в аренду сельским обществам.

В Казахстане существовали и специфические, обусловленные этническим своеобразием, формы арендной платы. Так, например, не только сохранилась, но определенную трансформацию в изменившихся социально-экономических условиях приобрела «барымта» (каз. – угон, воровство скота). Пытаясь обезопасить находившийся на выпасе скот, население деревень нередко заключало с аксакалами под видом аренды пастбищ специальные договоры, гарантирующие сохранность скота на арендованных землях. При наличии подобных «гарантий» арендная плата могла увеличиваться в несколько раз. Не случайно, что в 1920-е гг. подобные договоры в неофициальной среде получили меткое название – «ворналог» [9, д. 178, л. 52].

Распространенным явлением в 1920-е гг. (прежде всего, в деревне) являлось использование наемного труда. По данным единовременного учета сельскохозяйственных рабочих, проведенного ЦСУ КазАССР в августе 1927 г., на сто единоличных хозяйств в различных районах Казахстана приходилось от 13 до 16 наемных рабочих [3, с. 141]. Численность только срочных рабочих в деревне Кустанайского округа и Акмолинской губернии составляла 50 400 человек [Там же, с. 142]. В найме рабочей силы принимали участие не менее 10% крестьянских хозяйств. Самыми многочисленными группами наёмных рабочих являлись батраки и пастухи, составлявшие более 80% всех нанимавшихся [2, с. 87-88].

Батрачество по своему социальному составу не было однородным. Условно его можно разделить на годовых, временных и сезонных работников. Годовые и временные работники обслуживали, как правило, зажиточную часть крестьянства. В 1927 г. в хозяйствах с посевной площадью свыше 16,1 дес. земли годовые и временные работники (т.е. со сроком найма менее трёх месяцев) составляли 76,3% наёмных рабочих [16, д. 53, л. 32]. К сезонным работникам принадлежали бедняцкие хозяйства, экономическая мощность которых была также недостаточной для ведения собственного хозяйства и вынуждала их прибегать к отпуску рабочей силы. Большая часть сезонных работников была занята в хозяйствах середняков.

Середняки являлись основными нанимателями рабочей силы. В их хозяйствах в 1927 г. было занято более 71,5% батраков Казахстана [Там же]. Середняцкое хозяйство чаще всего нанимало одного, за редким исключением двух работников. В хозяйстве предпринимательского типа, как правило, использовался труд нескольких наёмных рабочих. Использование наёмного труда не всегда носило капиталистический характер. Капиталистическим можно считать лишь наем рабочей силы, ставившей своей целью производство прибавочной стоимости. В основной своей массе середняки прибегали к найму рабочей силы вследствие нехватки у них рабочих рук и сельскохозяйственных машин. Такой наем, как правило, был направлен на обеспечение собственного потребления и не являлся капиталистическим.

Труд батраков оплачивался как в денежной, так и в натуральной форме. Удельный вес денежной части заработной платы был невелик. В 1926 г. доля денежной части зарплаты составляла в Кустанайском округе 15%, в Акмолинской губернии – 23,9% [3, с. 156]. Оставшаяся часть заработной платы выдавалась батраку в натуральной форме.

Пытаясь регламентировать труд батраков, советское законодательство требовало обязательного заключения между нанимателем и наёмным работником письменного трудового договора, в котором оговаривались условия найма рабочей силы: основное содержание договорных работ и продолжительность рабочего времени, размер и сроки выплаты заработной платы, дни отдыха и проч. [15, д. 123, л. 1-140]. Трудовой договор подлежал регистрации в местном Совете, который должен был следить за его неукоснительным соблюдением. Вместе с тем источники отмечают, что заключение договора нередко носило формальный характер. Зачастую договор не фиксировал продолжительности рабочего времени, не оговаривал порядка выдачи батраку заработной платы [9, д. 178, л. 130-131]. Значительное количество наёмных рабочих вообще не имело трудовых договоров. В 1928 г. в деревне и ауле Кустанайского округа из 10 968 учётных батраков лишь 5 492 имели трудовые договоры [Там же, д. 184, л. 51].

Жизненный уровень батрацких хозяйств постепенно повышался. Наиболее убедительным свидетельством этого являлся рост среднемесячной заработной платы батраков, которая составляла 7-14 рублей в 1925 г., 17-19 рублей в 1926 г., 22-25 рублей в 1927 г. [9, д. 184, л. 51; 13, с. 263]. Для сравнения отметим, что среднемесячная заработка рабочих высококвалифицированных фабрично-заводских рабочих Казахстана в 1925 г. равнялась 47, а младшего обслуживающего персонала – 25 рублям [8, с. 354-356].

Отношения найма-сдачи орудий труда и средств производства и применения наёмного труда являлись основой сохранения и развития в деревне и ауле Казахстана капиталистических отношений. Конечно, капиталистические отношения в период нэпа не существовали в чистом виде, на их эволюцию значительное влияние оказывала социально-экономическая политика Советской власти. Кроме того, в казахском ауле капиталистические отношения тесно переплетались с докапиталистическими – патриархально-родовыми отношениями. В ауле существовали различные формы скрытой эксплуатации бедняков – «кедеев», связанные с использованием древних институтов родовой помощи (сохранившихся даже в семантике понятий). К ним относились передача зажиточной верхушкой бедняцким и маломощным

середняцким хозяйствам во временное пользование продуктивного и рабочего скота с правом пользования молоком и шерстью и др. Эта помощь, хотя и сохраняла патриархальную оболочку, разумеется, не была безвозмездной. За нее приходилось расплачиваться либо частью урожая, либо продукцией животноводства, либо отработкой в хозяйстве бая [4, с. 30-37].

Несмотря на наличие в ауле и в особенности в деревне мелкотоварных производственных отношений и продолжавшийся процесс дифференциации крестьянских хозяйств, возможности капиталистической эволюции сельского хозяйства в Казахстане не следует преувеличивать. С одной стороны, курс на индустриализацию требовал увеличения товарности единоличного предпринимательского хозяйства, а с другой стороны, государство, проводившее социально направленную аграрную политику, путем регламентации правил землепользования, аренды, условий найма рабочей силы и других мер значительно ограничивало рост предпринимательских хозяйств. Результаты этой политики сегодня хорошо известны: замедление естественного роста численности хозяйств предпринимательского типа, их искусственное дробление, кризис хлебозаготовок 1927-1928 гг., резкий поворот в аграрной политике Советской власти в конце 1920-х гг.

Список литературы

1. Абрамович Я. Л. Арендные отношения в Казахстане // Народное хозяйство Казахстана. 1928. № 4-5. С. 10-15.
2. Всесоюзная перепись населения 1926 г. М.: Статиздат ЦСУ СССР, 1928. Т. VIII. 256 с.
3. Гуртовой И. Л. Условия найма рабочей силы в сельском хозяйстве Казахстана // Народное хозяйство Казахстана. 1928. № 9-10. С. 140-159.
4. Дашихлейгер Г. Ф. К характеристике социально-экономических отношений в казахском ауле (1921-1928 гг.). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1961. 56 с.
5. Дашихлейгер Г. Ф. Социально-экономические преобразования в деревне и ауле Казахстана: 1921-1929 гг. Алма-Ата: Наука, 1965. 536 с.
6. Козлов А. П. Аграрно-крестьянский вопрос в переломные периоды русской истории [Электронный ресурс] // Современные исследования социальных проблем: электронный научный журнал. 2012. № 7 (15). URL: <http://sisp.nkras.ru/e-ru/issues/2012/7/kozlov.pdf> (дата обращения: 29.01.2013).
7. Козлов А. П. Аграрные преобразования в Казахстане в 20-е гг. XX в. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20). Ч. I. С. 116-119.
8. Обзор народного хозяйства Казахской ССР, 1925 г. Самара: ЦСУ КазАССР, 1927. 600 с.
9. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 25.
10. Сборник документов по земельному законодательству СССР и РСФСР: 1917-1954. М.: Госюриздан, 1954. 720 с.
11. VII Все казахстанский съезд Советов: стеногр. отчет и постановления. Кзыл-Орда: ЦИК Казахстана, 1929. 255 с.
12. Систематическое собрание законов Казахской Автономной Советской Социалистической Республики, действующих на 1 января 1930 г. (6 октября 1920 г. – 31 декабря 1929 г.). Алма-Ата: Издание Управления делами СНК КАССР, 1930. 224 с.
13. Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период (1921-1925 гг.): сборник документов и материалов. Алма-Ата: Изд. АН Казахской ССР, 1962. 594 с.
14. Справочник по статистике промышленности, сельского хозяйства и труда. Петропавловск: Акмолгубстатотдел, 1927. 85 с.
15. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). Ф. 168. Оп. 1.
16. ЦГА РК. Ф. 698. Оп. 2.

SOCIAL RELATIONS EVOLUTION IN KAZAKHSTAN RESETTLEMENT VILLAGE AND AUL DURING NEW ECONOMIC POLICY PERIOD

Kozlov Aleksandr Petrovich, Ph. D. in History, Associate Professor
St. Petersburg State University of Service and Economics
petrovich138@yandex.ru

The author considers social relations evolution in Kazakhstan resettlement village and aul during the New Economic Policy period, and expresses an opinion that the agrarian transformations, undertaken by the soviet power in the Central European part of Russia, practically did not affect Kazakhstan, where the complex processes of the social differentiation of the peasantry, caused by Stolypin agrarian reform, continued. The “American” farming way of bourgeois evolution dominated in the resettlement village. As for the Kazakh aul the formation of the small-scale way of life was constrained by the traditional institutions, which created the most complex range of social relations within aul environment.

Key words and phrases: aul; resettlement village; social structure; social relations; traditional economy.